

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Никандр Алексеев

ТОГДА
ШУМЕЛА ЛИСТВА

*Издательство
„Детская литература“*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

НИКАНДР АЛЕКСЕЕВ

ТОГДА ШУМЕЛА ЛИСТВА

РАССКАЗЫ

Рисунки В. Горячева

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

Охота! Сколько радости и спортивного азарта испытывал всякий, кто хоть однажды с ружьём в руках, пробираясь в лесных чащах или в кустарниках по берегам озёр, «скрадывал» дичь! Но не всегда ожидает охотника удача. Нередко ему приходится и спасать животных — и, кто знает, не больше ли радости испытывает при этом охотник!

Вот о такой радостной «неудаче», когда была подобрана и выхожена маленькая перепёлка, и рассказывает в своей книге Никандр Алексеев.

Алексеев Н. Г.

A47 Тогда шумела листва: Рассказы/Рис. В. Горячева.— Переизд.— М.: Дет. лит. 1984.— 31 с., ил.— (Книга за книгой).

5 к.

Рассказы о взаимоотношениях человека и природы.

A 4803010102—001 211—84
M101(03)84

P2

ТОГДА ШУМЕЛА ЛИСТВА

Фингал как будто дремлет на полу, положив голову на лапы. Распушённый хвост лаверака лежит неподвижно. А ведь движениями хвоста пёс выражает и свою радость — молотит им воздух, и неприятность — низко опускает его.

Из машинки, привинченной к краю стола, я беру закрученный патрон и ставлю на подоконник. Следом за моей рукой с патроном поворачиваются глаза Фингала. Нет, не дремлет. Наблюдательный пёс по опыту знает, что зарядка патронов предшествует чудесной прогулке по кустарникам, полям и берёзовым перелескам.

Правда, случается — и после зарядки патронов

Фингал остаётся дома, а хозяин, захватив деревянных уток, один исчезает на сутки, а то и больше.

Почему хозяин не берёт свою собаку на утиную охоту? Плыть она может, как заправский пловец. Белую одежду загрязнит на болоте? Ну что ж, отмоет. Поплаывает по чистой воде и отмоет. Вода и грязь не помеха.

Нет, не поэтому я не беру Фингала, когда отправляюсь на болота за утками. Задача птичной собаки — стоять или лежать возле обнаруженной дичи. Тетерева, куропатки, перепела, дупель, бекасы — все эти птицы останавливаются, затаиваются при виде собаки. И пёс осторожничает, делает вид, что не чует дичи, и стоит, не шевелясь, пока не придёт охотник и не скажет:

— Вперёд! Пусть взлетают, стрелять будем...

А утка, увидев собаку, не хочет сидеть. Она уплывает или убегает. Вот почему я не беру Фингала на уток.

Не беспокоит ли моего лохматого друга и сегодня дума: а вдруг придётся опять оставаться дома, слоняться из угла в угол, поджавши хвост.

Нет, если хвост и лежит, как лохматый меховой чулок, то глаза моего друга — живут, светятся...

Значит, Фингал чувствует, что я возьму его с собой.

Готовя ружьё к завтрашним выстрелам, я решил освободить каналы стволов от обильной смазки. При виде ружья Фингал вскочил и, поставив передние лапы мне на грудь, а голову вежливо повернув влево, три раза пробасил:

— Гав, гав, гав!

— Возьму! — ответил я.

Жена с шестилетней дочкой Леночкой ушла к соседям, в квартире, кроме меня с Фингалом, — никого. И я докладывал ему:

— Видишь ли, сейчас вторая половина сентября — тетерев тебя не подпустит, улетит. Ты не встанешь на стойку: трава поредела, посохла и шелестит, как сено сухое, — раз, крыло стало упругим, словно пружина, — два! Тетерев не хочет прятаться. Он теперь больше верит крылу — оглушительному взрыву взлёта...

Фингал в знак согласия так ударяет хвостом, что поднятый косым лучом заката золотистый столб пыли шевелится, и внутри него прыгают золотинки.

Я продолжаю:

— А вот перепёлок и куропаток найдём.

Пёс метнулся к двери, но не залаял — значит, не чужой идёт. Вошёл мой сосед, девятиклассник Коля.

Ничего охотничьего Фингал не заметил у молодого человека: ни ружья, ни патронташа, ни фляги. И потому с полным равнодушием к гостю снова растянулся на полу.

Но Колю привела ко мне тоже охотничья страсть. Ему наговорили друзья о начале пролёта северной утки — дичи, ожиревшей в спокойствии северных болот, не доступных для ноги охотника.

— Патроны на воскресенье и уроки на понедельник приготовлены, — поспешил меня уверить Коля. — На уток пойдём, Алексеич?

— Болотом, тиной пахнет эта дичь, — улыбнулся я. — И, кроме того, уже дано слово Фингалу пойти на охоту за перепёлками.

— Слова нельзя нарушить?

— Это было бы нечестно, — сказал я серьёзно.

Золотистые лучи солнца ушли из нашей комнаты, и сумерки заняли все углы дома.

— Лексеич! — И мне почувствовалась в голосе теплота молодого охотничьего сердца.— Кто с вами ещё идёт?

— Никто. Мы вдвоём.

— А с кем вы разговаривали, когда я входил?

— С ним, с моим помощником,— ответил я.

— А меня возьмёте с собой?

Я только предупредил:

— Надо точно стрелять... Фингал не любит мазни, и сам не мажет. У него нет ложных стоек, у тебя не должно быть пустых выстрелов.

Мы условились выйти в пять утра с таким расчётом, чтобы к семи часам, перейдя пять глубоких логов, скомандовать Фингалу: «Вперёд!»

Пришли жена с дочкой. Фингал встретил их в дверях и снова растянулся на полу.

Леночка села, как на сиденье мягкого стула, на широкую спину Фингала. Пёс в знак дружбы возобновил удары хвостом.

— Принеси мне перепёлочку! — И, прежде чем уйти на зов мамы из соседней комнаты, спросила: — Принесёшь? Да?

Великолепные места! Овсище, гречишник — поля, прерываемые невысокими, ещё совсем зелёными берёзовыми перелесками. И только осинки, покрасив свою листву под бронзу, уже торжественно встречали осень.

Непонятно, куда девались эти полевые курочки — плотные рябенькие куропатки и перепёлки? Если пе-

репёлок пугнули в тёплую сторону наши инистые утренники, то куропатке не страшны наши большие зимы, у неё в снегу тёплый дом — глубокая прямая нора. Куропатка — птица не перелётная.

Снуя вкривь и вкось, Фингал старательно обыскал хорошие километры овсяного жнивья. Он ходил во весь мах поперёк нашего пути: туда и обратно, как ходит челнок в нитяных основах в ткацком станке.

Коля остановился, удивлённый:

— Впервые вижу челноковый поиск птичной собаки. Это вы его обучили?

— Его обучил опыт. Опыт родителей, опыт предков.

— Замечательно! — вырвалось у Коли.

— Ещё замечательнее другое: поле, где прошёл Фингал, считается мёртвым.

— Мёртвым? — И Коля почесал в затылке.

Я заметил его движение и объяснил:

— Если собака не встала на стойку — значит, на этом поле нет ни перепёлки, ни куропатки, ни тетерева.

— Хочу посмотреть стойку, — сказал Коля.

Сентябрь долистывает последние страницы своего календаря, а сегодня, извольте — плащи в сетку и кепки долой, — такая теплынь даже утром. Я посмотрел на зелёную листву перелесков и в душе похвалил берёзки за то, что они не спешили позолотиться. Они, наверно, чувствовали, что лето ещё не закончилось.

Вдруг Коля шепнул:

— Смотрите!

— Ну?

— Смотрите, смотрите!

И он стволом автоматического ружья указал на холм межевого знака. Возле холма виднелось что-то белое, вроде снега. В начале весны это белое можно было действительно принять за полосу снега. Но это был Фингал на стойке. Крутой поворот головы изогнул весь корпус собаки. Внезапно ударивший запах заставил окаменеть Фингала при повороте головы вправо, когда нос его касался земли. Какую же твёрдую, веками укоренившуюся привычку надо иметь, чтобы подавить бушующую страсть и застыть рядом с дичью.

— Это и есть стойка? — спросил Коля.

Снимая бескурковку, я кивнул головой.

— Кто там?

— Перепёлка, наверно... — ответил я.

— А может быть, куропатка?

— На куропаток Фингал держит голову высоко, торжественно, — сказал я тоном учителя.

Мы подошли. Коля уже знал из моих рассказов, что мне не однажды случалось брать перепёлку руками из-под самого носа собаки, накрывая своей кепкой маленький серенький комочек.

Поэтому он предлагает:

— Разрешите, я её возьму живьём. Леночке в подарок.

Я повесил ружьё на плечо, давая понять, что стрелять не намерен, и сказал:

— Дичь первой стойки твоя.

И Коля, освобождая руки, тоже повесил ружьё на плечо. Чтобы получше рассмотреть, где затаилась эта маленькая птичка, он встал на колени рядом с собакой.

— Две стойки! — шутливо заметил я.

Коля не ответил на шутку. Он замер подобно Фингалу.

Я тоже опустился на колени.

— Нелегко увидеть, — прошептал я. — Траву нельзя пошевелить — улетит перепёлка.

Трава была высокая и довольно густая для сентября. И когда мой юный следопыт на всякий случай приготовился накрыть птичку, мне показалось, что против кисти его занесёной руки под струёй низового ветерка зашевелилась пушинка.

— Коля, руку немного к себе! — прошептал я. — Так, так... ещё немного. Накрывай!

И Коля накрыл. Но что произошло? Что-то быстрое, серое метнулось из травы возле самого носа моего товарища.

Я вскочил. И сразу всё объяснилось. За птичьи пёрышки или пушинки были приняты шерстинки ещё серого, не вылинявшего беляка. Эту «перепёлку» не крылья, а ноги уносили по яркой зелени клеверной отавы мимо перелеска в сторону седьмого лога. Уши, прямые и длинные, как рога, то прижимались к спине,

то разом прыгали, как будто их выбрасывали какие-то пружины.

А что стало с моей собакой, которая знала только крылатую дичь и никогда не видала зайца! Фингал забыл одно из твёрдых правил охотничьей собаки — лежать при взлёте. Это качество по наследству не передаётся. Охотник должен много потрудиться, чтобы выработать у питомца потребность лечь немедленно там, где он стоит, лечь при первом звуке взлёта. В это время пёс испытывает два чувства: одно, созданное столетней охотничьей практикой, — терпеливо стоять около затаившейся дичи, другое — стремление всех собак схватить, поймать, догнать. Птичную собаку считают испорченной, если она бежит за улетающей птицей.

Мой пёс иногда подавал мне поодиночке целый десяток тетеревов. Было десять взлётов, и Фингал десять раз ложился. Ни одна птица не взлетала, если я не был готов к выстрелу.

Но раз он побежал за этим серым смешным зверьком, то, пожалуй, побежит и за птицей...

А Фингал мчался, как лопаухий щенок: правое ухо вывернулось наизнанку и закинулось на затылок, а левое болталось, как конец размоченной сыромятины.

— Это же позор! Позор! Бежать за зайцем! Шкуру долой с такой подружейной собаки! — возмущался я.

Овладев собою, я обратился к магическому свисту. Один, всего один протяжный свист положил Фингала. Он помнил дрессировку!

Придя в себя от неожиданного происшествия, Коля встал и сразу же спросил:

— Заяц тоже дрессированный?

Заяц действительно сидел, но сидел, как на горячих угольках, нервно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Уши продолжали то одновременно, то поочерёдно прыгать: они старались определить место, откуда донёсся свист, определить направление опасности. Но свист не повторялся, и заяц пустился наутёк. И так как уши плотно прижались к спине и сам он весь так приник к земле, что ног его не было видно, он сделался похожим на серый ком, который стремительно катился мимо перелеска.

Хотелось крикнуть, поддать ещё больше жару этому трусливому зверьку, которого бросает в дрожь самый малый шорох — даже шорох падающего листа.

Грудь Коли уже поднялась, он сделал большой вдох для громкого крика. Но я строго остановил:

— Нельзя нервировать Фингала.

Коля только выдохнул. Досаду он выразил тем, что носком сапога принялся сшибать стволы полыни, растучневшей на бросовой почве межевого знака.

— Так распространяются сорняки... Надо было выжечь эту траву своевременно, — отчитывал кого-то юный охотник.

Я взял Фингала на поводок, не сказав ему ни одного тёплого слова, и мы пошли к берёзовому перелеску.

Там будет наш привал.

Оглядывая берёзки, а за ними кустики, сбегаящие по склону вниз, к логоу, Коля спросил:

— Почему бы зайцу не лежать в таких уютных местах? Кто его погнал в поле, в небольшой кустик травы?

Я попросил товарища прислушаться:

— Слышишь?

— Что?

— Шорохи.

— Это лист падает.

— Ну, вот этот маленький листик и гонит зайца туда, где нет шорохов.

Спустив с поводка Фингала и приказав ему «лежать», я бросил мой заплечный мешок и сетку на траву в светлую тень редких берёзок, мои ноги как-то сами собой подогнулись, и я опустился на тёплую гостеприимную землю.

А Коля вытащил из кармана круглую розовую картофелину. Он подобрал несколько штук на недокопанном поле. Сам подбросил картофелину и сам выстрелил. Она раздробилась в воздухе на мелкие частицы.

Он любовно посмотрел на мою бескурковку. И я предложил:

— Коля, хочешь сделать дуплет из моего ружья?

— А если промажу?

— А что ж ты думаешь — я всегда попадаю?

Словно лаская, он несколько раз провёл рукой по стволам бескурковки, как конюх проводит рукой по холке или спине любимого коня... Вытащил из кармана ещё две средние картофелины и молча протянул их мне. Я швырнул их поодиночке в разные стороны. Коля выстрелил. Красные картофелины раздробились в воздухе на белые части.

Я невольно вскрикнул:

— Здорово! — И это было лучшей похвалой для охотника.

Я посоветовал Коле отдохнуть, приберечь свои силы. Пусть не получилось никакого толку от утренней зари. Путь до заката ещё большой, нашим ногам

долго придётся его измерять. Предполуденное солнце усиливало небывалую для сентября теплынь. Фингал учащённо дышал.

Коля опустился рядом со мною на брезентовый плащ.

...Воздух прозрачен и тих. И набежавший из-за седьмого лога ветерок шевельнул сразу всей листвой перелеска, листва, как несметная птичья стая, немедленно подняла шелестящий гомон. Отдельные листики, как птички, перелетали с ветвей одной берёзки на ветви другой и потом, словно в поисках корма, медленно спускались в кустарник, на буйную зелень отавы — молодой травы осени.

— Хорошо, — сказал Коля и посмотрел на меня дремлющими глазами.

Он дремал сидя, как-то удобно положив на колени голову, на которую была наброшена кепка козырьком в сторону.

— О чём это ты, Коля? — спросил я.

Он не ответил.

Я хотел поправить его кепку, чтобы козырьком прикрыть его глаза от солнца, но, видно, не выполнил своего намерения...

Проснувшись, я заметил, что козырёк Колиной кепки смотрел по-прежнему в сторону.

Полдненное солнце сквозь дрожащую листву перелеска наводило на обветренное загорелое лицо Коли быстрых зайчиков, и рука спящего напрасно старалась смахнуть их, как смахивают назойливую осеннюю муху.

Фингал ещё шире раскрыл пасть и всё громче и громче дышал. Питья у нас не было. До ручья, бродившего по днищу седьмого лога, было недалеко.

Когда листва приостанавливала свой шелест, сюда, наверх, доносилось его журчанье.

Фингал, чувствуя воду, просил разрешения отправиться к ручью. Вот пёс приподнял голову, вытянул переднюю правую ногу, чтобы опереться, но не решается её поставить: не знает, как на это посмотрит хозяин.

Ноздри собаки, как мне показалось, втягивали тонкую струйку испарений. Ноздри шевелились, подёргивались, дрожали. У меня тоже во рту пересохло. И мой товарищ не откажется от родниковой воды.

Как ни хорош был Колин сон, я решил его нарушить.

Мы пошли тем кратчайшим путём, который указывался энергичной потяжкой — вытянутой головой идущего рядом Фингала. Срезали угол овсища и перепрыгнули через канаву, обрастающую берёзками. За разговором быстро таяло расстояние, отделяющее нас от зелёного влажного берега. Молодой охотник громко смеялся, вспомнив зайца — эту длинноухую «перепёлку», удиравшую от нас на своих четырёх.

— А Фингал-то, Фингал,— начал было Коля и, не видя рядом собаки, оборвал фразу, оглянулся и спросил удивлённо: — Где Фингал?

Два коротких резких свистка — приказ немедленно явиться к хозяину — не достигли цели.

— Как сквозь землю провалился,— досадовал Коля.

Он снял кепку и, вытирая платком лоб, сказал:

— Бухнулся наш распалённый пёс в прохладную тень какого-нибудь куста.

Это предположение заставило нас вернуться назад на поиски Фингала.

Я пошёл вдоль канавы влево, Коля направился вправо.

Мне сегодня очень не нравилось поведение моего лаверака: за «косым» пустился в погоню, как совершенно безграмотный в охотничьем деле, а сейчас учинил самовольную отлучку. Три поля работал без замечаний, и вот, извольте — сбился с панталыку.

Коля радостно известил:

— Нашлась потеряшка.

Фингал забрался в кустарник на дне канавы. Он перестал громко дышать, как будто жара прошла. Такую перемену в собаке Коля объяснил переутомлением и потому вытащил её на овсище:

— Жарко... Разомлел пёс.

— Не заболел ли?

Но холодный нос — показатель здорового состояния. В чём дело? Может быть, Фингал был на стойке? Чтобы разрешить сомнения, надо было понаблюдать за поведением Фингала, надо было дать ему полную свободу.

— Хочешь, иди туда, где лежал.

И что же? Распрямив хвост и вытянув его, как палку, Фингал осторожно спустился в канаву, пригнулся и замер...

— Стойка! Вот так штука! — сказал я, снимая ружьё с плеча.

Коля не торопился.

— Опять заяц! — махнул он рукой.

Сентябрьский заяц лохматый, как старая рукавица. Его называют «невыходным», и охота на него в это время считается браконьерством.

Мне не хотелось ещё раз встречаться с зайцем по другим причинам. Мне думалось, что прыгающий

заяц соблазняет собаку прыгнуть вслед за ним. Значит, она потеряет выдержку — самое ценное качество подружейной собаки.

Но я успокаивал себя. Осенью косой делает свои петли и скидки чаще перед рассветом и реже, когда рассвет начинает чуть-чуть брезжить. До дневной поры на сухих и высоких местах, где свободно гуляет ветер, запахи исчезают совсем или становятся настолько слабыми, что собака к следам не хочет принохиваться.

За три года моих полевых охот Фингал сделал всего первую стойку на зайца и, думаю — не скоро делает вторую.

Именно по этим соображениям я решительно возразил Коле:

— Не заяц!

— Но кто же?

В конце сентября тетерев не позволит приблизиться к себе ни человеку, ни собаке — улетит. Значит, тетерев исключается.

Серые куропатки? Да. На них собака встанет на стойку, но до стойки они побегают, поводят и собаку и охотника. А тут пёс взял с места.

По внезапности стойки и по характеру местности оставалось предполагать, что Фингал нашёл маленькую полевую курочку, и я ответил Коле:

— Пе-ре-пёл-ка!

Но в глубине души у меня не было полной уверенности: для перепёлки Фингал слишком пригибался, слишком осторожничал. Я хотел сказать это Коле, но неожиданно раздался сухой треск или, вернее, металлический стук взлёта. Так начинает стучать включённый мотор.

Взлетел тетерев — старый, краснобровый черныш, чёрный, как головешка. Я быстро поставил бескурковку в плечо, уже хотел нажать на спуск, но большая птица скрылась за краем берега начинающегося лога.

— Ушёл без выстрела, — сказал Коля услышанную от охотников и понравившуюся ему фразу.

А я-то утверждал, что тетерев в конце сентября не пустит близко ни собаку, ни охотника! Было так обидно, я так был взволнован случившимся, что не сразу заметил продолжающейся стойки Фингала. Заметив её, я вскинул ружьё и негромко произнёс:

— Неужели ещё!

Коля вкрадчиво высказал догадку:

— Большая птица, много запаху оставила... Это запах улетевшего тетерева...

— Птица есть, — зная свою собаку, сказал я с такой уверенностью, что Коля тоже поспешил взяться за ружьё.

И ещё один черныш с таким же металлическим треском взметнулся вверх.

Картина шумного взлёта краснобровой птицы навстречу лучам, хотя и полдневного, но косою осеннего солнца, захватила дух. Но радость оказалась кратковременной.

Моё ружьё было послушно мне много лет, оно было для меня почти живым существом. Не раз я ловил себя на разговоре со своим стальным комлатым другом — со своей бескурковкой. После удачного выстрела я говорил ей:

— Точная работа! Делаешь не в службу, а в дружбу.

Моё плечо никогда не чувствовало тяжести ружья.

В лесу, в поле, на широких весенних разливах оно дополняло меня. В его стволах были постоянно заготовлены два грома — два моих повелительных голоса.

И сегодня оно впервые мне отказало. Я даже не услышал щёлка внутренних спрятанных курочков. А тетерева продолжали взлетать. Их было около десятка.

Обращаясь к Фингалу, я сказал:

— Так-то, друг, ты хороший пёс. А я — хуже щенка лопухого.

Приставив ладонь к своему правому уху и как бы удлинняя его, добавил:

— Да, хуже такого лопухого... Все улетели!

А Коля? Какая редкая возможность представлялась ему испробовать свои силы по матёрым чернышам. Надолго хватило бы рассказов о том, как упали

один за другим пять петухов в новом поворонённом пере, пять тяжёлых, краснобровых.

Но и у Коли вышла заминка: изношенный, побывавший на мокрой охоте бумажный патрон, с трудом вложенный в патронник, дал осечку.

Но что же случилось с моим ружьём? Я раскрыл его, и выбрасыватели, сухо щёлкнув, вытолкнули пустые гильзы.

Всё объяснилось. Вспомнился недавний привал и стрельба по картошке. Из ружья стреляли, но ружьё не зарядили. И я наводил в тетерева незаряженную, лишённую на этот раз голоса бескурковку.

Горечь от ошибки выветривалась. Коля напомнил:

— А вы говорили, что в конце сентября тетерев не будет ждать, пока собака выследит и встанет, указывая направление носом. Вот они сидели.

— Видно, сегодняшняя высокая температура, необычная для конца сентября, изменила поведение птиц.

— Значит, не всё потеряно,— обрадовался Коля,— до вечера ещё найдём.

— Напрасные надежды. Это было в полдень — в самую жаркую часть сегодняшнего дня. А к вечеру похолодает. Тетерева не пустят.

Отказавшись от соблазнительного отдыха на берегу ручья, мы направились к дому.

Коля наполнил флягу ключевой водой, а я, взмахнув рукой по направлению к городу, скомандовал Фингалу:

— Вперёд!

Возвращаясь, мы с трудом преодолели шесть глубоких логов. Утром подъёмы не казались крутыми.

А сейчас они стали для нас намного круче. Усталость усиливалась сознанием, что охотничьи сетки пусты. Преодолев крутизну последнего лога, мы увидели табунок тетеревов. Они открыто паслись на гречишном поле, но, заметив нас, взлетели, хотя расстояние до нас было не менее пяти выстрелов. Коля отметил:

— Вы правы.

Выйдя на шоссе, Коля глубоко вздохнул:

— У-ух, ноги не хотят идти. Хорошо устал,— сказал он, усаживаясь на бережок канавы на обочине дороги.

Я не замедлил последовать его примеру.

У наших ног в сухой канаве положил голову на лапы Фингал.

— Удивительно! — звенел голос товарища.

— Что, закат удивительный? — спросил я.

— Смотрите сюда! — Он протянул руку к Фингалу. Из его пасти высунулись серенькие шевелящиеся пёрышки — это было крылышко.

Я приказал Фингалу освободить птичку, и она побежала вдоль канавы, волоча правое крылышко.

Коля поймал её и объявил торжествующе:

— Перепёлка! Это подарок для Леночки! — И он провёл рукой по косматой трёхцветной шерсти лаверака.

Обласканный пёс отправился к телеграфному столбу и возвратился оттуда с другой, но неживой перепёлкой.

Коля недоумевал:

— Почему? Отчего?

Я десятки раз находил под телеграфными проводами разбившихся насмерть перепёлок. Губит их прямой, как пуля, и быстрый полёт. Перепёлка даже

днём может врезаться в провод, не успев изменить линию направления.

Вместо объяснения я задал Коле несколько вопросов. И он ответил прямо, как отвечают на экзамене:

— Перепёлка — птица перелётная. Отлетает в тёплые края осенью и прилетает к нам весной.

— Отлёт и прилёт идёт ночью.

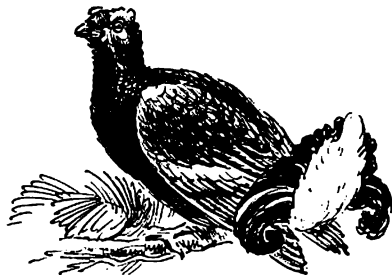
— Теперь ясно. Одна перепёлка разбилась на смерть, другая — поранила крылышки. Однако, почему другие перелётные птицы не разбиваются.

Я поведал любознательному товарищу, что утиные, гусиные и других птиц перелёты проходят на больших высотах, выше сети проводов. Чем крупнее птица, тем на большей высоте она перелетает...

Тьма осеннего вечера, окружавшая нас в поле, закончилась. По улицам, залитым электрическим светом, хорошо идти...

Встречные горожане скользили взглядами по нашим порожним охотничьим сеткам.

И всё-таки на душе было бодро, радостно.

ПЕРЕПЁЛКА

В столовой на диване каждый вечер появлялось новое слово. Оно было составлено из чёрных букв, нарисованных на больших квадратах фанеры. В честь каждой новой буквы составлялось какое-нибудь слово: тётя, мама, папа, Фингал. Перед тем, как отправиться в постель, Леночка составляла слово, просила его прочитать и ставила на диван рядом с небольшим домиком, построенным из кубиков. Новое слово с новой буквой жило на диване с вечера до утра. Утренняя игра сначала разрушала домик, а потом, подобно домику, рассыпала слово.

Мы возвратились домой поздно. Я вспомнил о времени, только войдя в столовую и прочитав новое слово:

— «Перепёлка».

Составленное слово говорило о том, что время позднее и Леночка в постели. Девочка просила принести ей живую перепёлку. Косматый, пятнистый друг Фингал выполнил заказ.

Я опустил руку в мою охотничью сумку и на дне её, в уголке, нащупал тёпленький комочек.

— Жива!

В моём кабинете, на полу, птичке насыпали на ужин несколько крупинок пшена. Освобождённая из непроглядной тьмы охотничьей сумки, перепёлка даже не пыталась бежать.

Но вот дверь скрипнула. На цыпочках, неслышными шажками вошла Леночка. Из соседней комнаты она расслышала мои слова о живой перепёлке. И сон прощай.

Вчера при закрутке патронов я уронил абажур. Часть осколков успела уже попасть в игрушечное имущество. Электрическая лампочка без абажура светила резким ярким светом. Перепёлка стояла бочком к светилу в шестьдесят свечей. Мы заметили — птичка уже не однажды направляла свой левый глаз на него. Леночка сказала полушёпотом:

— Лампочка ей кажется солнышком.

— Очень маленькое солнышко,— заметил я.

— Игрушечное солнышко.

— А комната?

— Комната... комната... Ну, чем может быть комната? Знаю... Игрушечным полем — вот чем. Просо растёт в поле.

Птичка быстро освоилась и начала подбирать желтоватые крупинки пшена.

— Помнишь, мы были на даче — вечером пе-

ли перепёлки. А наша не поёт, нет? Почему не поёт?

— Видишь, птичка тащит своё крылышко, оно болит. А во время болезни не поют...

— Правда... Мама, дай мне, пожалуйста, йод и бинт... Я буду лечить птичку. Папа! Скажи, что делают во время болезни? Плачут, да?

Предвидя новый вопрос: «Почему наша перепёлочка не плачет, если у неё болит крылышко?», я решил ответить так:

— Когда очень больно, слабые дети плачут.

Леночка пристально посмотрела мне в глаза и сказала с гордостью:

— Нашей перепёлочке больно, но она не плачет.

Мой кабинет превратился в лечебницу. На письменном столе — вата, бинт, йод, спирт.

Крылышко не сломано. Семейная медицинская комиссия пришла к выводу, что мы имеем дело с простым ушибом. Окрашенная кровью часть крылышка была смазана йодом, и больше больная ни в какой медицинской помощи не нуждалась. Леночка всё-таки перевязала крылышко бинтиком снежной белизны.

— Настоящая птичка, а похожа на игрушечную! — воскликнула Леночка, когда перепёлка с большой белиной на правой стороне побежала по полу.

Нашей жилище как будто понравилась новая квартира: чисто, тепло, и если нет тут росы или ручейка, зато есть водичка на блюдечке, хватит для питья, есть еда и есть постель — сухое сено на дне небольшой корзинки, куда до сих пор складывались мелкие игрушки.

В корзинке перепёлка окончательно присмирела.

— Спать пора — час поздний. — И Леночка пер-

вая на цыпочках вышла из комнаты. Мы тоже на цыпочках последовали её примеру.

...Фингал обыкновенно спокойно лежал на полу в столовой. Он любил дремать, закрыв глаза и положив на лапы свою большую голову, продолговатую, как дыня. Но в это утро он лишился покоя.

Играя с Леночкой, Фингал уже дважды разрушил домик из кубиков и трижды слово «Перепёлка». Хозяйка азбуки говорила косматому другу:

— Читай! Ну, что получилось? Пе-ре-пёлка!

Фингал был так неосторожен. Прыгая и ставя лапы куда попало, он рассыпал старательно составленное слово. Но это не ставилось Фингалу в вину. Наоборот, на его голову сейчас сыпались всевозможные милости, как плата за принесённый подарок. Его крепкие белые зубы успели расколоть несколько кусочков сахара. Розовато-красный длинный влажный язык умело собирал сладкие крошки, застрявшие на шерстинках подбородка.

Леночка настойчиво просила показать перепёлку Фингалу. Пёс ничуть не был удивлён, найдя дичь на полу в углу моего кабинета, как прежде находил её в поле. Но я про себя отметил неполевое поведение собаки. В поле она встала бы на стойку, а в комнате лишь чуть-чуть тронула носом птичку, перепёлка подалась вперёд: маленькой много ли надо. Потом она, словно желая поблагодарить за спасение, склонила набок голову, направив один глаз на белого зверя, который вчера подобрал её под телеграфным столбом.

А Фингал, не желая принимать никаких благодарностей на свой счёт, скромно отошёл в сторону.

Перепёлка из всего семейства куриных — самая

маленькая курочка. Она быстро одомашнивалась, любила тихие слова и ласковые человеческие руки, из которых сыпались и катились такие вкусные крупинки.

Леночка нашла приятные, понятные для птички звуки.

Она говорила:

— Тю-тю-тю.

И перепёлка семеняла ножками к протянутой руке.

Теперь все три комнаты моей квартиры были в распоряжении общей любимицы. Заботливый уход быстро заживил крылышко. Повязка была снята.

— Она может летать,— утверждала её маленькая покровительница.

И вот доказательство полного выздоровления: во время утреннего чая наша маленькая курочка взлетела на стол, чтобы разведать: нет ли там корму.

Крошки сахара, хлеба и кусочки колбасы ей пришлось не по вкусу. Она по разу клюнула и больше не притронулась к этой еде.

— Переборливая! Капризуля! — сказала Леночка.

С ладони своей покровительницы курочка быстро собирала крошки сыра и потому получила ещё одно прозвище:

— Лакомка!

Посаженная на перекладинку большой буквы «П» — первой буквы слова «Перепёлка», птичка некоторое время сидела спокойно, потом на крылышках спускалась на диван. Спускалась она так легко, что с трудом составленное Леночкино слово не разрушалось и даже буква «П» оставалась на месте.

— Ты у меня умница! А Фингал разрушил бы,— ласково говорила Леночка не в укор своему другу, а лишь затем, чтобы воздать должную хвалу своей курочке.

Фингал — самый первый покровитель подраненной птички — лежал на полу и дремал, зажмурив глаза. Услышав своё имя, он посмотрел в сторону дивана и снова опустил голову на лапы.

А низкое зимнее солнце будто бы и ждало этого самого момента, чтобы направить сквозь стекла двойных рам на голову лаверака сноп косых лучей. Желтоватые пятна на голове собаки казались теперь золотыми.

Перепёлка относилась ко всем с полным доверием. Лохматый пёс не внушал ей никакого страха. Ей нравилось прогуливаться по широкой спине собаки, как по крыжу. Порой она подолгу сидела на затылке Фингала, становилась на его лапу возле носа — пёс даже и ухом не вёл. Он мертвел, как мертвеют подружейные собаки в момент, когда ветерок неожиданно наносит ароматную волну запахов дичи.

Леночке казалось, что птичка всё старается выразить благодарность своему спасителю. И когда курочка клюнула крошку, приставшую к шерстинкам возле Фингалова носа, крошку, золотистую в столбе солнечной пыли, Леночка воскликнула:

— Перепёлка Фингала поцеловала.

Перепёлка, никуда не отлетая, провела зиму в нагретой квартире. А её сереньких сестёр надвигающиеся холода и бескормица уже в половине сентября заставляли тревожно кричать, табуниться и прохладными ночами постепенно перелетать в сторону тёплых краёв. Во время этих полётов их подстерегало много

опасностей: им встречались сотни электрических и телефонных проводов.

В местах днёвок за ними охотилось большое и малое зверье — волк, лиса, вездесущий хорёк, хитрый горноста́й или быстрая ласка. Подкарауливали их и пернатые хищники — ястребы и совы.

А наша перепёлочка была в тепле и безопасности. Сидя в комнате на полу, она даже дороги не хотела давать ни хозяевам квартиры, ни Фингалу, зная, что через неё осторожно перешагнут или, как это часто делал Фингал, обойдут стороной.

...Зима прошла. Выставили зимние рамы, раскрыли окна. Свежий ветерок с огорода, перебегая из одной комнаты в другую вслед за играющими солнечными лучами, наполнил квартиру запахами весны. Фингал подёргивал носом и задира́л голову к высокому подоконнику. Перепёлка взлетела на стол, стукнула клювом по зелёной полоске на чайном блюдечке и перепрыгнула на подоконник открытого окна. Леночка закричала:

— Перепёлочка может улететь...

Мы с тревогой смотрели на птичку. Как мне помнится, даже Фингал не спускал с неё глаз. Она может вспомнить вольные перелески, гречишные поля за глубокими логами и тю-тю — полетела.

Мы так растерялись, что ни мне, ни дочери и в голову не пришло поманить:

— Тю-тю-тю.

Но вот перепёлка на крылышках, как на сереньких парашютиках, спустилась с подоконника и весело побежала по комнате, часто семеня ножками.

— Не улетела!

И на душе стало хорошо, словно нас коснулось

дуновение ветерка — посланника пробуждённой, готовящейся к расцвету природы. А природы-то на огороде было всего столько, что всю её можно в хорошей охапке унести: шиповник да куст сирени. Мне показалось, что Фингал был тоже доволен. Он усиленно помахивал веером своего косматого хвоста, как будто ему дали или должны дать кусочек сахара или ломтик колбасы.

Вот как может радовать или огорчать даже маленькая птичка.

По случаю домашних признаков весны — выставленных рам и открытых окон — Леночка украсила шейку курочки красным бантиком.

Стояли те тёплые дни весны, когда кустарники и деревца начинают одеваться первой прозрачной зеленью. Такая прозрачная и, как пламень, буйная зелень вспыхнула в молодом, совсем недавно разбитом саду Театра оперы и балета.

В сумеречный час, прогуливаясь по дорожкам, мы услышали пение маленьких курочек. Перепёлки нашли в центре большого города зелень, защищённую от ветров высокими домами. Наверно, это были первые минуты их прилёта на родину.

Курочки пели...

— Празднуют своё прибытие на родину, — сказал я.

Лицо ребёнка розовело от волнения.

— О чём поют перепёлки? — спросила Леночка.

— Мы домой! Мы домой! — придумал я.

— Папа, пойдём домой.

Мы уходили, а перепёлки сочно пели одну очень короткую песню.

До самого дома Леночка не проронила ни слова — она была тревожно молчалива.

Вбежав в квартиру, она встретила меня на пороге. В глазах её стояло по одной росинке:

— Она улетела домой. Её позвали подружки: «Мы домой, мы домой!»

Я успокаивал Леночку:

— Наша квартира для неё была тёплым краем.

— А к зиме она опять прилетит к нам? Да? Прилетит?

На секунду задумалась и объявила свой категорический приказ, властное повеление детского сердца:

— Папа, не стреляй курочку с красным бантиком.

Выбежал Фингал и медленным, осторожным шагом, точно боясь кого-то спугнуть, направился мимо нас под одинокий куст сирени.

— Неужели?

Мы видим серенькую птичку, бегущую впереди Фингала... Нет, эта птичка не бежит, а прыгает. А прыгают воробьи. Умный пёс презрительно повернул голову в сторону: мол, экая невидаль, и не пошёл дальше.

— Ошибся!

Все мои друзья охотники, приходя ко мне потолковать о прошлых и завтрашних охотах, должны были отвечать на вопрос:

— Дядя, вы не встречали случайно перепёлочки с красным бантиком?

Глубокий вздох и просьба:

— Дядя, прошу вас, не стреляйте её!

Кажется, это было совсем недавно, когда на месте

ныне разрастающегося сада Театра оперы и балета стояли первые малыши-кустики и тонкие, маленькие, словно игрушки, деревца. Время быстро бежит, а порою — летит, как птица.

И всё же хочется спросить:

— Ребята, может, вы где-нибудь видели маленькую птичку с красным бантиком?

СОДЕРЖАНИЕ

ТОГДА ШУМЕЛА ЛИСТВА

3

ПЕРЕПЕЛКА

22

Для младшего школьного возраста

Никандр Алексеевич Алексеев

ТОГДА ШУМЕЛА ЛИСТВА

РАССКАЗЫ

ИБ № 7186

Ответственный редактор *М. С. Ефилова*. Художественный редактор *М. Д. Суховцева*. Технический редактор *И. С. Широкова*. Корректор *Г. Ю. Жильцова*. Сдано в набор 16.04.83. Подписано к печати 15.12.83. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отт. 2,5. Уч.-изд. л. 1,23. Тираж 750 000 экз. Заказ № 3127. Цена 5 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой»
в 1984 году вышли и выходят в свет
следующие книги:

Берестов В. НОФЕЛЕТ.

Лирические и весёлые стихи о школе и школьной жизни

Георгиевская С. ГАЛИНА МАМА.

Повесть о храброй Галиной маме, о том, как она мужественно сражалась с врагом в годы войны

Островский Н. ГУДОК.

Отрывок из романа «Рождённые бурей».
Действие происходит в годы гражданской войны на Украине

Медведев В. КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА.

Весёлые рассказы из жизни школьников.